

Институционально-экономический контекст формирования нефинансового богатства российских домохозяйств: от приватизации к приобретению¹

Т.Ю. БОГОМОЛОВА*, Т.Ю. ЧЕРКАШИНА**

***Татьяна Юрьевна Богомолова** – кандидат социологических наук, заведующий, Отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; доцент, кафедра общей социологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Адрес: 630090, Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17. E-mail: bogtan@rambler.ru

****Татьяна Юрьевна Черкашина** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; заведующий, кафедра общей социологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Адрес: Адрес: 630090, Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17. E-mail: touch@nsu.ru

Цитирование: Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. (2018) Институционально-экономический контекст формирования нефинансового богатства российских домохозяйств: от приватизации к приобретению // Мир России. Т. 27. № 2. С. 62–89. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-62-89

В статье соотнесены институциональные условия и результаты формирования в динамике нефинансового богатства домохозяйств в новейшей истории России. Индикаторами процесса формирования нефинансового богатства домохозяйств выступили обеспеченность ключевыми нефинансовыми активами и профиль стратификации домохозяйств по количеству активов в собственности. В исследовании для описания институционального фона формирования нефинансового богатства населения в 1991–2014 годах использована государственная и ведомственная статистика о приватизации предприятий, жилья, сельскохозяйственной земли, строительстве жилья, производстве и продаже автомобилей. На данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ выполнены расчеты, отражающие эволюцию в 1994–2014 годах численности домохозяйств, которые обладают тем или иным нефинансовым активом, а также демонстрирующие концентрацию активов в домохозяйствах.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Структура российских домохозяйств по нефинансовому богатству в динамике: от приватизации к накоплению» (№ 16-03-00640-а). Авторы выражают признательность за сотрудничество А.В. Диевой.

Показано, что к концу 1990-х годов приватизация национального богатства как механизм массового превращения населения в обладателей нефинансового богатства себя исчерпала. Рост доходов населения с середины первой декады 2000-х годов сопровождался развитием потребительского кредитования, государственными программами по увеличению жилищного строительства и производства автомобилей. Эти институциональные стимулы создали для российских домохозяйств не только возможности, но и риски для формирования нефинансового богатства через приобретение собственности. В течение 1994–2014 годов поступательно увеличивалась доля домохозяйств, владеющих жилищными активами и транспортными средствами, в то время как доля собственников земельных участков и производственных активов сокращалась. В рассматриваемый период существенно уменьшилась доля домохозяйств, не обладающих нефинансовыми активами; параллельно наблюдалась тенденция к поляризации: росла относительная численность домохозяйств с одним активом в собственности и домохозяйств, имеющих более трех активов.

Ключевые слова: богатство домохозяйства, нефинансовые активы, стратификация, социальные изменения, институциональные условия, приватизация

Развитие рыночной экономики и приватизация предприятий, жилья и земли сельскохозяйственного назначения в России в начале 1990-х гг. позволили миллионам индивидов и домохозяйств стать собственниками экономических активов не в разделенном с остальным советским народом, а в частном порядке. В представленной работе мы не обсуждаем, справедливо или несправедливо была проведена приватизация. Вслед за авторами доклада «Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг.» мы делаем акцент на то, что «имел место величайший передел собственности, совершенный в пользу домашних хозяйств» [Андрущак, Бурдяк, Гимпельсон и др. 2011, с. 47]. Революционное, по сути, изменение режима собственности в силу существенных различий в объективных возможностях и психологической готовности населения встроиться в новые институциональные условия привело к оформлению в России нового основания социально-экономического неравенства – по богатству, которое составляло находящаяся в собственности членов домохозяйства совокупность экономических активов (финансовых и нефинансовых). Для адекватного понимания того, что из себя представляет благосостояние населения в России, важно изучить структуру собственности и собственников.

Обладание собственностью, состав, размер и форматы ее использования – классические критерии социально-экономической дифференциации и стратификации. В исследованиях, ориентированных на выявление и описание новых для России социально-экономических групп и слоев, кооператоры, предприниматели, новые русские, олигархи, средний класс последовательно сменяли друг друга в качестве объектов изучения. Но высказанное в конце 1990-х гг. замечание, что научная литература о новых классах и слоях «<...> рисует не всю систему классов и слоев нынешней России, а лишь отдельные социальные группы. <...> акцент делается не на механизме возникновения социальных классов и слоев, а на тех или иных их социальных характеристиках» [Рывкина 1998, с. 305–306], не потеряло своей актуальности и сегодня. До сих пор все, что связано с механизмами обретения российскими домохозяйствами статуса собственников по широкому кругу активов, практически является белым пятном в исследованиях о социально-

экономическом неравенстве населения. Мы попытались разобраться в этой ситуации, сосредоточившись на нефинансовом богатстве домохозяйств, включающем жилую и нежилую недвижимость, производственные (некорпоративные) активы, землю, транспортные средства.

Сложившиеся в России в начале 1990-х гг. институциональные условия для массового обретения российскими домохозяйствами статуса собственников продолжают развиваться и в настоящее время. В результате приватизации общественного жилого фонда граждане стали собственниками жилья, земельная реформа и дачная амнистия дали в собственность или в распоряжение отдельных граждан и домохозяйств земельные участки. Приватизация предприятий и развитие предпринимательства позволили части россиян открыть собственное дело, в том числе и такое, для ведения которого необходимо приобретение производственных активов. Помимо этого, распространение с середины первого десятилетия 2000-х гг. практики кредитования банками физических лиц (автокредиты, потребительские и ипотечные кредиты) расширило возможности российских домохозяйств для накопления нефинансового богатства.

Цель нашего исследования – проанализировать динамику обеспеченности домохозяйств нефинансовыми активами в контексте развития институциональных условий формирования нефинансового богатства населения в новейшей истории России. Информационную базу исследования составили данные государственной и ведомственной статистики о масштабах жилищного строительства, приватизации жилья и доли жилого фонда в собственности граждан; о площади земель в собственности граждан; о производстве, продаже и обеспеченности населения автомобилями. Также были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 1994–2014 гг. Отметим, что это единственная база данных, позволяющая рассмотреть в динамике близкий к общепринятой номенклатуре набор нефинансовых активов россиян – находящееся в собственности кого-либо из членов домохозяйства основное и дополнительное жилье, автотранспорт, земельные участки в собственности и/или распоряжении, а также наличие собственного предприятия или доли в предприятии, состоящем в совместном владении.

В первой части статьи будет дан краткий экскурс в отечественную и зарубежную литературу по теме; во второй – представлено описание институционального фона формирования нефинансового богатства населения в России в 1991–2014 гг.; в третьей – предложены выполненные на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ расчеты, отражающие динамику в 1994–2014 гг. численности домохозяйств, обладающих тем или иным нефинансовым активом, а также концентрации активов в домохозяйствах.

Обеспеченность домохозяйств нефинансовыми активами: проблематизация в научной литературе

В узком смысле, который выводит «за скобки» человека и природные ресурсы, «богатство понимается как обладание экономическим капиталом. Оно рассматривается как один из аспектов экономического (или материального) благосостояния людей, наряду с доходами и потреблением» [OECD 2013, p. 26]. Статистические

данные о богатстве домохозяйств играют важную роль для получения информативных ответов на широкий круг политических и научных вопросов. Но ракурс рассмотрения и подходы к измерению богатства различаются в зависимости от уровня анализа. «На макроуровне основной фокус на богатство *сектора домохозяйств*, его связь с другими секторами экономики, его роль в рамках более широкой экономической системы; и наоборот, основной упор на микроуровне делается на богатство *отдельных домашних хозяйств* и его распределение по различным типам домохозяйств» [OECD 2013, p. 26]. Наше исследование – это изучение богатства на микроуровне, где единицей наблюдения выступают домохозяйства.

В зарубежных социально-экономических исследованиях оперируют понятиями «чистое богатство» или «чистая стоимость богатства» [Wolff 1990; Keister, Moller 2000; Paiella 2007 и др.], которое определяется как стоимость всех активов, находящихся в собственности домохозяйства за вычетом стоимости всех его обязательств на определенный момент времени [OECD 2013, p. 54]. Эта стоимостная (денежная) оценка экономических активов² ложится в основу изучения неравенства по богатству. В зависимости от характера активов принято выделять финансовое и нефинансовое (реальное, материальное, физическое) богатство. К финансовому богатству относятся транзакционные счета, депозитные сертификаты, сберегательные облигации, акции, средства в трастовых фондах, пенсионные счета, полисы страхования жизни и прочие управляемые финансовые активы. Нефинансовое богатство включает в себя основное жилье, другую жилую недвижимость; транспортные средства; нежилую недвижимость, включая землю; капитал, вложенный в бизнес; прочие нефинансовые активы (материальные объекты, состоящие из значительных по стоимости произведений искусства, ювелирных изделий, драгоценных металлов, антиквариата, оснащения для хобби и предметов коллекционирования). Антиподом активов выступают пассивы или долги – закладные по основному жилью, задолженности по бизнесу и инвестициям в недвижимость; долги по кредитным картам и задолженность по автомобильным кредитам и прочее [Campbella, Kaufman 2006; Bucks, Kennickell, Mach, Moore 2009; Bricker, Dettling, Henriques, Hsu, Moore, Sabelhaus, Thompson, Windle 2014]. В то же время возможны вариации в классификации объектов собственности: например, Управление национальной статистики Великобритании, реализующее обследование населения «Исследование богатства и активов» (*Wealth and Assets Survey*), делит нефинансовое богатство на собственность (все виды жилья и землю, т.е. недвижимость) и физическое богатство (транспортные средства, предметы коллекционирования, предметы длительного пользования и т.п.) [Wealth in Great Britain 2015].

В отечественной практике исследований благосостояния домохозяйств оперирование показателем чистого богатства не встречается, поскольку в открытом доступе отсутствуют информационные ресурсы, включающие в себя данные обо всех элементах богатства (финансовое, нефинансовое богатство, долги) в стоимостном выражении. Следует отметить, что список стран, где имеются такие базы данных, не велик (их не более 30 [Global Wealth Databook 2016, p. 10]), но в ряде государств, помимо информации о богатстве домохозяйств на макроуровне, в системе национальных счетов имеется несколько регулярно проводимых обследований населения

² К экономическим активам домохозяйств, как правило, относят денежные средства и ту собственность, которая может быть обращена в деньги, в том числе стать залогом для получения кредитов.

с блоком вопросов о богатстве – например, в США (*Survey of Consumer Finances* (SCP) и *Panel Survey of Income Dynamics* (PSID)), Австралии (*Survey of Income and Housing and Household, Income and Labour Dynamics in Australia Survey* (HILDA)) и др. В России в прошлом и настоящем отечественные исследователи оперировали и до сих пор оперируют, так сказать, «вещным» составом имущества, анализируя количество и (по возможности) качество составляющих, по преимуществу нефинансового, богатства³.

В нашей стране и в позднее советское, и в начале постсоветского времени проблематика имущественного неравенства устойчиво находилась в фокусе внимания обществоведов, не пребывавших в плену иллюзий относительно экономической однородности населения [Лисов, Шапошников 1988; Бородин 1990; Богомолова, Тапилина, Михеева 1992]. В последующем имущество и собственность также рассматривались в комбинации с денежным доходом и другими ресурсами в качестве индикаторов уровня жизни при выделении отдельных социально-экономических слоев, например, бедных [Корчагина, Овчарова, Турунцев 1998], среднего класса [Средние классы 2003], изучении социально-экономической дифференциации через расчет индекса уровня жизни [Тихонова, Давыдова, Попова 2004; Тихонова 2014]. Эти примеры свидетельствуют о стремлении российских социологов понять и описать экономическую стратификацию позднего советского и современного общества, не ограничиваясь доходными критериями.

Институциональный и экономический контекст формирования нефинансового богатства российских домохозяйств

Приватизация начала 1990-х гг. включала в себя процессы, часть которых протекают и в наши дни: приватизация производственных активов членами трудовых коллективов и ваучерная приватизация, приватизация занимаемого жилья, приватизация земельных участков и реорганизация сельскохозяйственных предприятий. Отсчет российской массовой приватизации ведется с принятия законов РСФСР от 23 ноября 1990 г. № 374-1 «О земельной реформе», от 3 июля 1991 г. № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» и от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Приватизация государственной собственности в стране стала стартовым институциональным условием приобретения массой россиян статуса собственников. Рассмотрим в привязке к каждому элементу нефинансового богатства, как эти условия реализовывались и трансформировались.

Приватизация производственных активов

Массовая приватизация государственных и муниципальных предприятий, осуществляемая в разных формах (в виде передачи трудовому коллективу, кон-

³ В зарубежной научной литературе такой вектор исследования определяется как анализ состава «портфеля» (портфолио) активов домохозяйства [Davis, Shorrocks 2000, p. 644].

курсной продажи, ваучерной приватизации и др.), позволяла участникам этого процесса стать владельцами или акционерами с разной степенью контроля над предприятием (в том числе полученном в ходе приобретения акций других акционеров). Хотя акции предприятий – элемент финансового богатства домохозяйств, которое в данной статье не рассматривается, мы не можем обойти вниманием приватизацию производственных активов, которая была важной институциональной доминантой трансформационных процессов 1990-х гг., задала тренд в отработке образцов формирования корпоративного и некорпоративного⁴ (частного) бизнеса в России.

Приватизации предприятий в 1991–1994 гг. была публичной, бесплатной, в ней участвовали широкие массы населения (см., напр., [Права собственности 2009]), в отличие от «номенклатурной приватизации» или «приватизации государства государством» в 1989–1991 гг. [Крыштановская 2005, с. 307]) и денежной приватизации, которая стартовала в России с середины 1990-х гг., в том числе через механизмы залоговых аукционов [Паппэ, Голухина 2009].

Несмотря на ваучерную составляющую приватизации, ее российский вариант был инсайдерским: приватизируемые предприятия целиком или с доминирующей долей приобретались менеджерами и работниками предприятий [Радыгин 1998; World Development Report 1996, p. 55], и именно приватизация трудовыми коллективами создала массу собственников предприятий. Схема ваучерной приватизации позволяла внешним инвесторам приобретать лишь небольшие пакеты акций, при этом издержки на приобретение контрольного пакета были запретительными. При этом постприватизационный передел собственности характеризуется снижением доли инсайдеров с частичной уступкой места внешним собственникам. Сравнение сопоставимых совокупностей акционерных обществ показало, что в 1995 г. на инсайдеров приходилось почти 50% акционерного капитала, а в 1998 г. их доля упала почти на 10 пунктов [Долгопятова 2001, с. 122–123]. В целом исследования российских предприятий с середины 1990-х гг. свидетельствовали, что интенсивные процессы перераспределения капитала вели к растущей концентрации акционерной собственности [Долгопятова 2010, с. 82]. Конечно, (со)владельцами предприятий становились не только через участие в приватизации государственных и муниципальных предприятий, но и создавая собственные предприятия, прежде всего малые. Однако чем позже в 1990-е гг. создавалось предприятие, тем более высокими были транзакционные издержки «входа» в бизнес: финансовые, административные (связанные с регистрацией и лицензированием предприятия) и др. [Барсукова 2000].

Приватизация и покупка жилья

Начавшаяся в России в 1990-х гг. приватизация жилья, приведшая к росту домо-владельцев, не стала явлением уникальным. Во второй половине XX в. во многих странах государство разными способами содействовало тому, чтобы домохозяйства

⁴ Капитал, вложенный в некорпоративный бизнес, т.е. собственный (с персонифицированным собственником(ами)), в том числе в семейные предприятия, является элементом нефинансового богатства домохозяйств.

становились собственниками жилья: так, в Великобритании рост собственников жилья был оценен как «одно из самых значительных изменений двадцатого века» [Stephens, Ford, Spencer, Wallace, Wilcox, Williams 2008, p. 3].

При общем тренде отличия проявились именно в механизмах передачи жилья домохозяйствам. Если в одних странах передача осуществлялась в основном через право на покупку (*the right to buy*), то в России – бесплатно. Поэтому неудивительно, что сразу же проявилась тенденция, при которой «чем лучше по качеству и больше по площади жилье имеет семья, тем активнее ее “приватизационное” поведение» [Бессонова, Крапчан 1994, с. 30–31]. Так, по данным проведенного О.Э. Бессоновой и С.Г. Крапчан исследования, в феврале-марте 1993 г. в Новосибирске доля приватизировавших свои квартиры среди тех, кто обладал отдельной благоустроенной квартирой с числом комнат больше, чем проживающих, составила 44,4%, а среди проживающих в коммунальных квартирах – 2% [Бессонова, Крапчан 1994, с. 31]. Однако после проведения бесплатной приватизации государство перешло от патернализма к рыночной модели обеспечения жильем с элементами политики селективизма, при которой государство брало на себя ответственность по решению жилищных проблем лишь отдельных категорий семей [Шомина 2010].

В целом в России с начала приватизации и до 1 января 2015 г. было приватизировано 30158 тыс. жилых помещений, 79% от числа помещений, подлежащих приватизации [Российский статистический ежегодник 2015, с. 342] (рисунок 1). При этом сокращение темпов приватизации жилья в начале 2000-х гг. совпало с уменьшением объемов его строительства. Возникший в результате приватизации вторичный рынок жилья снижал остроту квартирного вопроса, но не решал его полностью [Пузанов, Косарева, Туманов, Полиди 2011], а к предоставляемым банками жилищным кредитам как способу решения жилищной проблемы россияне относились сдержанно⁵. И это было связано «не только с отсутствием опыта, культуры и привычки делать столь важные и крупные покупки в кредит, но в большей степени <...> с явной неадекватностью условий имеющегося на ипотечном рынке предложения» [Ивантер 2004]: ни сроки, ни стоимость кредитов не совпадали с возможностями и желаниями большинства потенциальных заемщиков.

Цели новой государственной жилищной политики и мероприятия по их достижению были представлены в приоритетном национальном проекте «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», который стартовал в 2006 г. Он предполагал выполнение государством обязательств по обеспечению жильем отдельных групп населения (военных, ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС, северян, вынужденных переселенцев), а для остальных – совершенствование рыночных механизмов доступа к жилью (увеличение размеров ипотечного жилищного кредитования; рост объемов жилищного строительства и модернизации объектов коммунальной инфраструктуры).

Необходимо подчеркнуть, что развитие ипотечного кредитования можно считать самым успешным результатом проекта [Гонтмахер 2008]. Его реализа-

⁵ Как показывали опросы населения, в проективной ситуации «Если бы Вы собирались купить квартиру, дом, каким способом получили бы необходимую сумму средств?» не так много опрошенных (хотя их количество растет) видели в банках тех, кто мог бы им помочь: взяли бы ипотечный кредит – 9 и 15%; обратились бы за кредитом в банк – 10 и 14% соответственно по годам; треть устойчиво затруднялась с ответом; предпочли бы накопить нужную сумму 26% респондентов в 2000 г. и 20% в 2005 г. [Вовк 2005].

ция позволила сократить ставки по ипотеке с 17–19 до 10–14%, уменьшить размер первоначального взноса, упростить процедуру согласования сделок. Экономические кризисы 2008–2009 и 2014–2015 гг. внесли понижающие коррективы в статистику ипотечного кредитования, но тенденция их распространения налицо: число предоставленных ипотечных кредитов выросло с 349,5 тыс. в 2008 г.⁶ до 1012,8 тыс. в 2014 г. (это локальный максимум, в 2015 г. число предоставленных ипотечных кредитов упало до 699 тыс.). Доля ипотечных кредитов в общем объеме жилищного кредитования увеличилась с 49,4% в 2005 г. до 98,9% в 2015 г.; стабилизация этого показателя на уровне 96–98% наблюдается с 2012 г. Также выросла доля ипотечного кредитования в объеме выданных физическим лицам кредитов: с 3,6% в 2005 г. до примерно 20% в 2014–2015 гг. (с «провалом» до 5,8% в 2008 г. и повторным постепенным увеличением этой доли) [Сведения о рынке 2014; Сведения о рынке 2016].

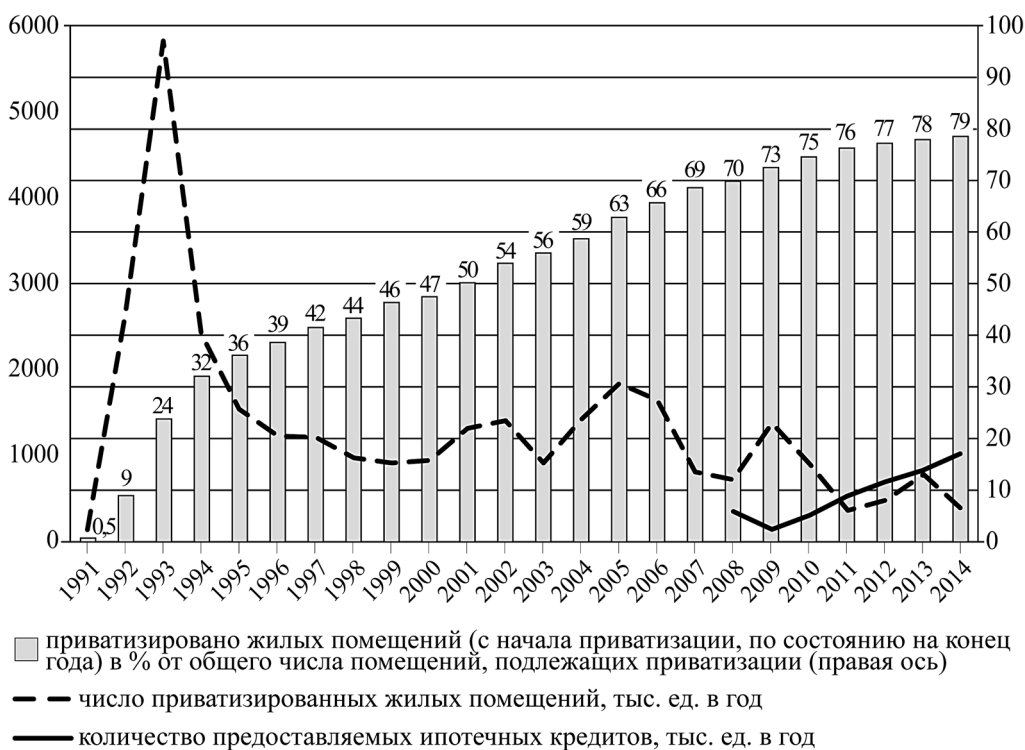


Рисунок 1. Динамика показателей приватизации жилья и ипотечного жилищного кредитования в России с начала 1990-х гг.

Источник: Росстат <http://www.gks.ru/>, Банк России <http://www.cbr.ru/statistics/>

⁶ Банк России демонстрирует статистику до 2008 г. только об объеме предоставленных ипотечных кредитов, но не их количестве.

С 2014 до 2017 г. была запущена программа «Жилье для российской семьи», целями которой провозглашены поддержка отдельных категорий граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий; увеличение объемов строящегося жилья в РФ; повышение доступности жилья за счет снижения средней стоимости одного квадратного метра жилья. Эти цели отчасти совпадают с предыдущим проектом, что косвенно указывает на то, что не все из них были достигнуты. Но проект 2014 г. более конкретен: на его сайте можно найти информацию о жилых комплексах в регионах России, возводимых в рамках проекта; его целевая группа – граждане в возрасте 25–40 лет, имеющие постоянную занятость, нуждающиеся в улучшении жилищных условий; а само возводимое жилье – экономического класса, цена которого составляет не более 80% от средней рыночной цены на аналогичное жилье на соответствующей территории и не превышает 35 тыс. руб. за 1 м² [Программа «Жилье для российской семьи» 2014]. Статистика жилищного строительства отражает особенности стратегии, которой следует отрасль, и свидетельствует, что цели программы «Жилье для российской семьи» могут быть достигнуты, поскольку в решении квартирного вопроса в 2010-е гг. Россия обратилась к проверенному рецепту 1950–1960-х гг. – строительству многоквартирных домов, преимущественно в городах. Это один из российских вариантов *path dependence*, который воспроизводится строительной индустрией, ориентированной на панельное домостроение. Но если полвека назад экономическая эффективность жилищного строительства достигалась «ускоренными» строительными технологиями (появлением крупнопанельного строительства), то сейчас растет этажность жилья.

В 1990–2000 гг. число построенных квартир снизилось с 1044 тыс. до 373 тыс., но затем постепенно выросло: уровень 1990 г. был превышен в 2014 г.: тогда построили 1124 тыс. квартир, в 2015 г. – 1195 тыс. За это же время доля трехкомнатных квартир среди построенных упала с 42 (1995 г.) до 18%, а доля однокомнатных – выросла с 18 до 43%. Средний размер жилья, построенного населением, увеличился с 99,7 м² в 1995 г. до 130–138 м² в 2010-е гг., однако новые квартиры в многоквартирных домах в среднем стали меньше (62,7 м² в 1995 г. против 56,0 м² в 2014 г. и 54,2 м² в 2015 г.)⁷ (рисунок 2). Доля общей жилой площади квартир, построенных в домах 17 и более этажей, выросла с 12,1% в 2009 г. до 19,8% в 2014 г. и 22,4% в 2015 г. [Строительство в России 2016]. Строительная отрасль отреагировала на потребности населения пропорционально платежеспособному спросу: квартиры стали меньше, а дома – выше, что снижало себестоимость строительства.

Очевидно, программа «Жилье для российской семьи» затрагивает жилищные отношения и с другими целями – например, для поддержки семей с детьми через выдачу государственных сертификатов на материнский (семейный) капитал за рождение (усыновление) второго или следующего ребенка. Программа допускает несколько вариантов конвертации капитала: образование детей, социальная адаптация и интеграция в общество детей-инвалидов, накопительная пенсия матери, улучшение жилищных условий семьи. По факту последний способ стал самым востребованным: например, в 2014 г. такой вариант распоряжения материнским капиталом был указан в 90,5% поданных заявлений [Годовой отчет 2014]. Семьи в три раза чаще прибегают к покупке новой жилплощади, чем

⁷ В 2002 г. максимальная средняя общая площадь новых квартир в многоквартирных домах составляла 69,2 м².

к ее строительству, и почти в два раза чаще используют для этого кредитные или заемные средства, которые впоследствии погашают средствами материнского капитала [Годовой отчет 2015].

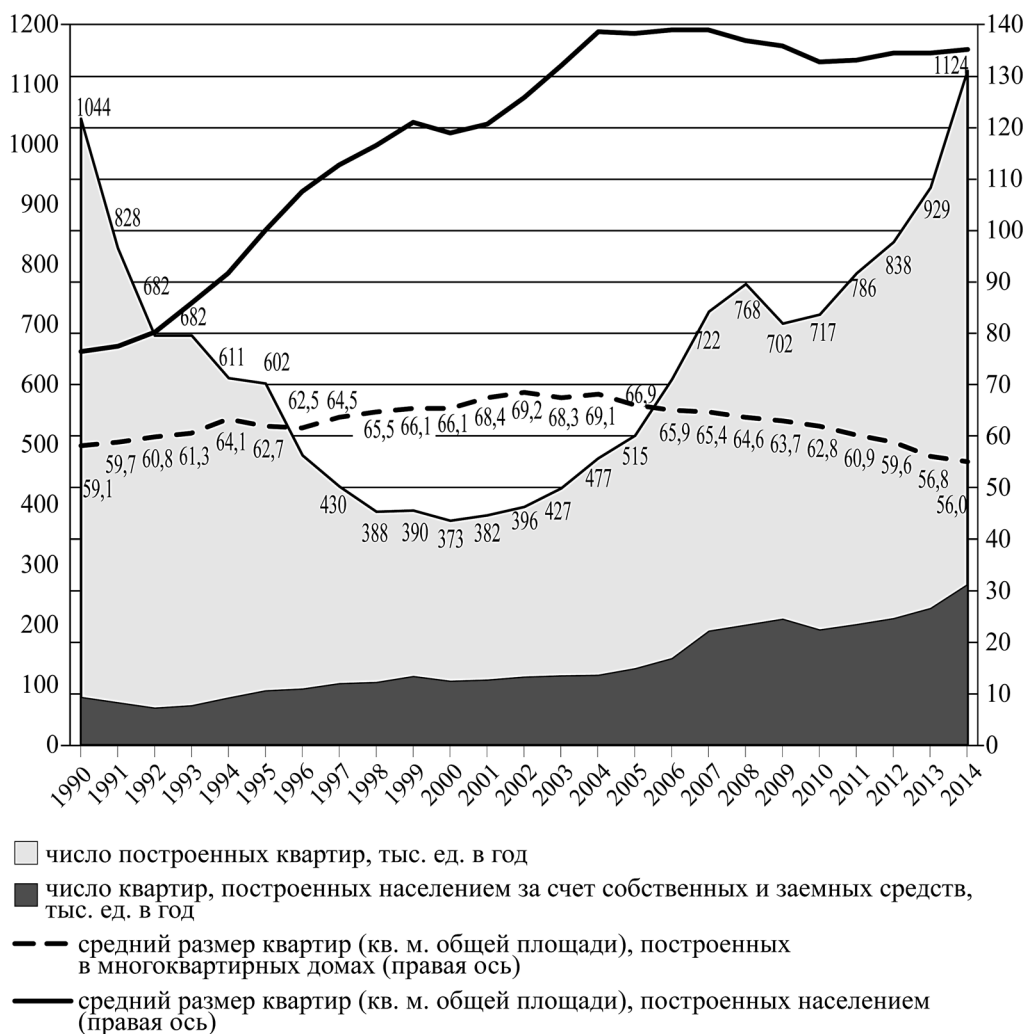


Рисунок 2. Динамика показателей жилищного строительства в России с начала 1990-х гг.

Источник: Росстат <http://www.gks.ru/>

В итоге за счет приватизации, развития рынка жилья, ипотечного кредитования доля жилищного фонда, находящегося в собственности граждан, выросла с 26,4% в 1990 г. до 85,5% в конце 2014 г. [Российский статистический

ежегодник 2015, с. 174]. С 2011 г. количество ипотечных кредитов превышает число приватизированных в течение года квартир (рисунки 1): купля-продажа с привлечением заемных средств становится основным механизмом обретения жилищной собственности.

Приватизация земельных участков и реорганизация сельскохозяйственных предприятий

Законом РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе» был установлен двухлетний срок на переоформление земельных участков из государственной в частную собственность. Однако указанный срок не был выдержан, процесс приватизации земли продолжается до настоящего времени. Правовую базу для приватизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса дало Постановление Правительства РФ от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса». На 1 января 1993 г. были перерегистрированы 19719 колхозов и совхозов (77% от их общего количества), из них 5990 сохранили свой статус, 8551 сельскохозяйственное хозяйство преобразовано в товарищества с ограниченной ответственностью и смешанные товарищества, 1662 – в сельскохозяйственные кооперативы, 748 – в ассоциации крестьянских хозяйств, 328 – в акционерные общества открытого типа [Анализ процессов приватизации 2004, с. 109].

Изначально предполагалось, что первым шагом на пути к обладанию земельными участками будет документально зафиксированное право на выделение именно земельного участка, но не сам участок, чтобы избежать дробления земель. Обладатели такого права «могут договариваться, объединяться, складывать свои паи и выделять общий большой участок, пригодный для ведения хозяйства, либо несколько компактно расположенных участков» [Барсукова, Звягинцев 2015, с. 88]. Право на получение земельных долей имели колхозники, в том числе бывшие, а также работники местной социальной сферы. Приведенные выше цифры отражают сохранение коллективного владения участками; численность желающих выйти из коллективного хозяйства, забирая реальный земельный надел, оказалась невысока как из-за отсутствия организационно-правового сопровождения этого процесса, так и ввиду неготовности населения массово становиться фермерами.

Указ Президента РФ от 7 марта 1996 г. «О реализации конституционных прав граждан на землю» разрешил сдавать в аренду землю, обозначенную в свидетельствах о долевой собственности на землю. Но по-прежнему это были не реальные участки (отмежеванные, имеющие границы на местности и стоящие на кадастровом учете), а лишь обозначенные в свидетельствах. Поскольку долевые земли не были выделены, хозяйства «использовали земли там, где им было удобно, в любой момент меняя расположение и конфигурацию полей и уже совершенно не заботясь о сохранении земель. В такой ситуации невозможно было определить, чью конкретно землю использует сельхозпредприятие» [Барсукова, Звягинцев 2015, с. 91]. Федеральный Закон № 101 от 24 июля 2002 г. «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» был призван превратить виртуальные права соб-

ственности на землю во владение конкретными участками и разрешал свободную куплю-продажу земли, но процесс юридической регистрации был связан с высокими материальными и временными издержками из-за усложненных бюрократических процедур и высоких цен на освидетельствование и межевание земельных участков. «Выбранный способ приватизации обусловил лишь формальное наделение крестьян землей. У земли практически не стало собственников, так как люди, получавшие земельные свидетельства, не имели представления, чем они владеют, где находится их земля и насколько она плодородна» [Фадеева 2015, с. 76]. Процедура легализации земельной собственности была отчасти упрощена с принятием 29 декабря 2010 г. Федерального закона № 435 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения».

На начало 2006 г. в собственности граждан находилось 120,7 млн га земель сельскохозяйственного назначения, а на 1 января 2014 г. – 112,97 млн га (29,3% от общей площади земель этой категории). Сокращение произошло за счет уменьшения площади земельных долей (с 111,8 млн га на 1 января 2006 г. до 92,2 млн га на 1 января 2014 г.), в том числе и невостребованных. Остальная часть сельскохозяйственных земель в собственности граждан предоставлена в собственность крестьянским (фермерским) хозяйствам для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества, животноводства, индивидуального жилищного или дачного строительства, для производства сельскохозяйственной продукции индивидуальными предпринимателями. За обозначенный период площадь таких земель выросла более чем в два раза – с 9,0 млн до 20,8 млн га [Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель 2006, с. 57, 59; Доклад о состоянии и использовании земель 2014, с. 10].

Производство и продажи легковых автомобилей

В настоящее время все еще присутствует магия обладания автомобилем, который покупают если не при первой потребности, то точно при первой же возможности, используя как собственные, так и заемные средства. Он выступает мобильным активом во многих смыслах: его продают, когда срочно нужна крупная денежная сумма; автомобиль, в отличие от жилья, – более «публичный» товар, чаще и легче «читается» как статусный символ; в мобильном обществе автомобиль, конечно же, обладает утилитарной функцией облегчения пространственных перемещений, более того, повышает степень свободы; собственный автомобиль может стать непосредственным источником доходов для тех, кто оказывает транспортные услуги; может повысить владельцу шансы на рынке труда, снимая проблему транспортной доступности, или позволить получить работу там, где требуются сотрудники с личным автомобилем. Все эти обстоятельства определяют высокий спрос на автотранспортные средства: за двадцать лет обеспеченность россиян автомобилями выросла в три раза – с 93,3 собственных автомобилей на 1000 чел. населения в 1995 г. до 283,3 в 2014 г. [Российский статистический ежегодник 2003; Российский статистический ежегодник 2006; Российский статистический ежегодник 2011; Российский статистический ежегодник 2015] (рисунок 3).

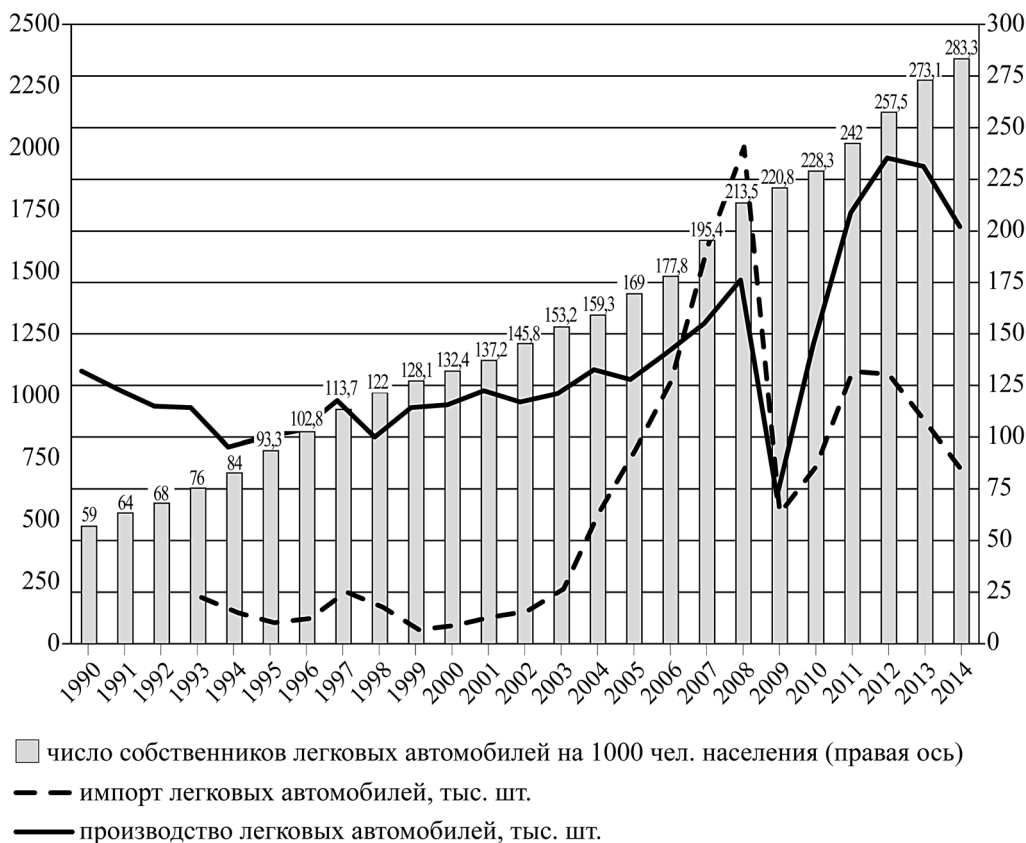


Рисунок 3. Динамика показателей производства, импорта и обеспеченности населения автотранспортом в России с начала 1990-х гг.

Источник: Росстат <http://www.gks.ru/>

По удельной обеспеченности автомобилями Россия отстает от европейских стран, российский рынок более активный с точки зрения спроса, что делает страну привлекательной для зарубежных автопроизводителей. До 2008 г. растущие продажи легковых автомобилей практически линейно были связаны с растущим импортом автомобилей, и отечественные автопроизводители в силу многих причин оказывались в невыгодном положении. Однако в 2009 г. импорт легковых автомобилей сократился в четыре раза (с 1993 тыс. до 521 тыс.), продажи упали, но только в полтора раза (с 3290 тыс. до 2046 тыс. штук). Основная причина падений заключалась в экономическом кризисе, но разница в масштабах объясняется другим – увеличением в России ввозных пошлин на новые автомобили с 25 до 30%. Применение такого инструмента институционального регулирования автомобильного рынка было подготовлено предшествующей политикой, когда в 2005 г. Минэкономразвития России ввело режим «промышленной сборки», облегчающий мировым автопроизводителям ввоз в Россию комплектующих и их сборку на территории страны: таможенные по-

шлины и транспортные расходы на автомобильные компоненты в этом случае ниже, чем на готовую продукцию [Рынок легковых автомобилей 2016]. Если в 1998 г. в России было только одно автосборочное производство иностранных моделей («Автотор» в Калининградской области, собиравший на тот момент автомобили *BMW* и *KIA*), то в дальнейшем открылись новые автосборочные заводы [Рынок легковых автомобилей 2016; Нуреев, Кондратов 2010], и сейчас их количество превышает полтора десятка. Последствием локализации в России производства автомобилей иностранных моделей стало не только снижение импорта, но и увеличение автопроизводства внутри страны: локальный во времени максимум был достигнут в 2012 г. – 1949 тыс. автомобилей, при этом доля импортных моделей составила 64,8%⁸. Позднее (при кризисном сокращении производства до 1,66 млн автомобилей), в 2014 г., доля импортных моделей выросла до 75,5% [Производство автомобилей 2015].

Потребительский автобум в России в 2000-х гг. пришелся на «тучные» годы, когда повышалась цена экспортируемой нефти, а вслед за ней и доходы населения. К факторам, его подготовившим и определявшим, можно отнести введение банками программ автокредитования, в том числе льготного, предусматривающих уменьшение ставки по кредиту, и увеличение производства легковых транспортных средств в стране⁹. Первое стимулировало спрос, а второе обеспечивало предложение. Возобновление программы льготного автокредитования с 1 апреля 2015 г. позволило, по оценкам Минпромторга России, дополнительно продать в 2015 г. более 243 тыс. автомобилей [Российский автопром 2016]. Программа продолжается и в настоящее время: с середины 2017 г. к стандартным добавлены программы льготного автокредитования «Первый автомобиль» и «Семейный автомобиль». По данным Национального бюро кредитных историй, в 2013 г. было выдано 1059,6 тыс. автокредитов, в 2014 г. – 823,4 тыс., при этом доля кредитных автомобилей в объеме рынка составила в 2014 г. 35,23% [Во 2 квартале 2016 года было выдано на 33% автокредитов больше 2016].

Итак, к концу 1990-х гг. подавляющее большинство россиян, имевших право участвовать в приватизации, его реализовало. Несмотря на то, что приватизация национального богатства как механизм массового вовлечения населения в ряды «обладателей» нефинансового богатства в первой половине 2000-х во многом себя исчерпала, тем не менее была заложена основа для развития другого механизма – приобретение собственности за счет собственных или заемных средств. На рынке появилась возможность продавать и приобретать активы того же назначения, но другого качества; конвертировать одни нефинансовые активы в другие; использовать их в качестве залога при получении кредитов. Но относительно массовым этот механизм формирования нефинансового богатства стал лишь с наступлением

⁸ Приказ Минпромторга России от 27.12.2013 № 2155 «О внесении изменений в Стратегию развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденную приказом Минпромторга России от 23 апреля 2010 г. № 319» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196805/2f7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdad518/#dst100005

⁹ Среди инструментов стимулирования спроса на автомобили можно назвать программу утилизации автомобилей, принятую в 2010 г. на два года в качестве эксперимента (Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2009 г. № 1194 г.) и возобновленную в 2014 г. Если покупка нового автомобиля сопровождалась сдачей в утилизацию старого, торговые организации предоставляли покупателю скидку, а расходы торговых организаций от такого снижения цены продажи компенсировались из средств программы. Но следует отметить, что данная программа обеспечивает, прежде всего, обновление автомобильного парка, а не его увеличение.

благоприятной для страны экономической конъюнктуры, приведшей к росту доходов населения, и с созданием государством новых институциональных условий: потребительское (а затем ипотечное) кредитование, государственные программы по развитию жилищного строительства и автомобильной промышленности открыли новые возможности (и риски) для формирования нефинансового богатства российских домохозяйств. Помимо проектов, явно или неявно нацеленных на нефинансовые активы, формированию нефинансового богатства способствовали и другие программы, например, материнского (семейного) капитала. Следует еще раз отметить, что нефинансовое богатство домохозяйств – это фундамент развития человеческого капитала конкретной семьи в частности и общества в целом.

Оценка нефинансового богатства российских домохозяйств в динамике

Обеспеченность населения основными нефинансовыми активами так или иначе отражена в статистике – в численности приватизированных предприятий и доле приватизированного жилого фонда, количестве занятых на частных предприятиях, удельном числе автомобилей и доле сельскохозяйственных земель, находящихся в собственности граждан. Но статистика не показывает концентрацию активов в домохозяйствах, не говоря уже об их количестве. Однако в одних и тех же институциональных условиях индивиды и домохозяйства с разным успехом накапливают элементы нефинансового богатства, по-разному формируют набор (портфолио) активов, отвечая на стимулы и ограничения государства, соотносясь с этапом жизненного цикла и собственными ценностными установками. Изменение профиля стратификации домохозяйств по количеству активов в собственности можно проследить на материалах РМЭЗ.

Ограничения информационной базы и методические решения

Хотя РМЭЗ и позволяет исследовать нефинансовое богатство российских домохозяйств с момента, когда наиболее сильные изменения, связанные с массовым этапом приватизации, уже произошли, тем не менее это единственная информационная база, репрезентирующая население России и позволяющая оценивать состав нефинансового богатства в динамике. Это критически значимое для реализации замысла нашего проекта преимущество, но есть и ряд ограничений, сужающих круг задач, которые возможно решить на данных РМЭЗ.

Во-первых, перечень нефинансовых активов, которые фиксируются в опросниках РМЭЗ, достаточно узок: так, в отличие от Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат-2011 и Росстат-2014), у респондентов РМЭЗ не спрашивали о наличии гаража или бокса в многоместном гараже, о пригодности второго жилья для круглогодичного или сезонного проживания; и ни одна из названных баз не фиксирует обладание предметами коллекционирования, антиквариатом, драгоценностями. Во-вторых, в течение 1994–2014 гг. менялись формулировки анкетных вопросов, касающихся нефинансового богатства. В-третьих,

факты обладания активами фиксировались со слов респондентов без документального и физического подтверждения. Так делается не только в РМЭЗ, это свойство любого массового обследования, даже направленного на изучение богатства, но в результате исследователи становятся заложниками представления респондента о собственности. Это ограничение касается в первую очередь земельной собственности, так как зачастую она «виртуальная», в виде доли в общедолевой собственности, не воплощенная в конкретном земельном участке. В силу имеющихся ограничений опишем, как строились показатели обеспеченности домохозяйств активами.

Жилье в собственности. В 1994–2002 гг. наличие собственности на занимаемое жилье у членов домохозяйства определялось на пересечении ответов на вопросы «Жилье, в котором Ваша семья живет в настоящее время, это общежитие, Вы его снимаете или это Ваше жилье?» и «Жилье Вашей семьи приватизированное, частное или неприватизированное, несчастное?». Жилье считалось собственным, если оно «ваше» и приватизировано. В 2003–2005 гг. вопроса о том, приватизировано ли жилье, в анкете не было, и для этого периода мы вообще не определяли долю домохозяйств-собственников. С 2006 г. респондентам вновь задавались оба вопроса, но в перечень подсказок во втором добавлялся вариант, что «жилье принадлежит родственникам». В «собственное» было включено занимаемое жилье, принадлежащее непосредственно членам домохозяйства.

Земля в собственности/пользовании. Домохозяйства-собственники земли определялись через ответы на вопросы «В настоящее время у Вашей семьи есть в пользовании какая-либо земля?» (да / нет) и «Кому принадлежит эта земля?» (варианты ответов: «Вся земля – собственность Вашей семьи», «Вся земля арендуется Вашей семьей», «Часть земли – собственность Вашей семьи, часть – арендуется», «Вы пользуетесь землей на других условиях»). Так как для нас было важно определить собственников, «смешанные» пользователи (часть земли – в собственности, часть – в аренде; их доля не превышала 1,5% домохозяйств в разные волны) объединялись с теми, кто пользовался только собственной землей.

Автотранспорт в собственности. В первых волнах РМЭЗ респондентов просили отметить в одном ответе наличие легкового или грузового автомобиля (это не позволяло выделить домохозяйства, владеющие и тем, и другим), затем вопрос был разделен на два; с 2006 г. спрашивали отдельно о наличии легковых автомобилей отечественного производства или иностранных моделей. Иными словами, фиксировалось количество видов, а не единиц автотранспорта; при наличии любого транспортного средства (легковой или грузовой автомобиль, трактор) домохозяйство причислялось к собственникам данного актива.

Дополнительное жилье. Вопрос о наличии другой квартиры или части квартиры в неизменной формулировке присутствовал в анкетах всех раундов РМЭЗ; при положительном ответе домохозяйство считается владельцем такого актива. Заметим, о правах собственности на вторую квартиру респондентов не спрашивали, и теоретически это могло быть неприватизированное жилье кого-либо из членов домохозяйства, т.е. мы фиксируем верхнюю границу оценки численности собственников вторых квартир. До 2000 г. об отдельно стоящих строениях спрашивали, задавая два вопроса: «Есть ли садовый домик или дача/другой дом»; с 2001 г. вопрос стал общим: «Есть ли дача или другой дом, часть дома, садовый домик». Для унификации расчетов по разным волнам к владельцам данного актива до 2000 г. причислялись те, кто владел садовым домиком и/или дачей, другим домом.

Производственный (некорпоративный) капитал. (Со)владение предприятием фиксировалось через характеристики основного места работы. Россиян, занятых в экономике, спрашивали, работают ли они на предприятии, организации (таких 90–95% из работающих), и при положительном ответе последовательно задавали вопрос, являются ли государство, иностранные или российские лица и фирмы владельцами предприятия. Если среди владельцев предприятия были российские частные лица, уточняли, является ли респондент совладельцем или владельцем. В случае, когда хотя бы один член домохозяйства отвечал утвердительно на данный вопрос, мы считали, что среди членов домохозяйства есть (со)владельцы предприятий.

К нефинансовым активам домохозяйства принято относить капитал, вложенный в некорпоративный бизнес. Материалы РМЭЗ не позволяют четко идентифицировать, какой производственной собственностью – корпоративной или некорпоративной – владеют респонденты. В первых волнах РМЭЗ более 50% (со)владельцев имели долю в предприятии менее 1%, еще 15–20% затруднились определить размер своей доли в предприятии, с 2003 г. вопрос о доле в предприятии из анкеты вообще был исключен. Мы делаем грубое допущение, расценивая (со)владение предприятием как индикатор наличия у домохозяйства вложенный в некорпоративный капитал, но идем на это, чтобы обозначить важный канал формирования богатства россиян, а долю домохозяйств, в составе которых есть (со)владельцы предприятий, расцениваем как верхнюю границу масштаба явления.

Динамика владения нефинансовыми активами в 1994–2014 гг.

В начальной точке рассматриваемого периода наиболее распространенными у населения, причем на одном и том же уровне (49–50%), были два нефинансовых актива – основное жилье и земельные участки (*рисунок 4*). В последующие 20 лет доля домохозяйств-собственников занимаемого жилья поступательно росла, составив в 2014 г. 83%. В отношении собственности на землю наблюдалась иная тенденция: с 1994 по 2000 г. доля собственников земли среди домохозяйств почти не менялась, а с 2001 г. начала не резко, но методично сокращаться, чтобы начиная с 2006 г. стабилизироваться на уровне 40–42%. Эта цифра стала итогом процессов разной векторности и институциональной природы – «дачной амнистии», направленной на урегулирование прав собственности на землю непроизводственного назначения; развития системы индивидуального строительства с землеотводом под жилье; перераспределения прав на землю производственного сельскохозяйственного назначения, полученных в ходе приватизации в начале 1990-х с последующей концентрацией в руках более эффективных (теоретически) собственников.

Автомобиль(и), дом на садовом участке, вложения в собственный бизнес составили в 1994 г. вторую по распространенности группу нефинансовых активов: каждым из них владело 22–23% российских домохозяйств. Однако в последующие 20 лет они устремились по разным траекториям. Доля владельцев автотранспортом (легковым, грузовым) последовательно увеличивалась по 1–2 п.п. в год и на конец периода составила 42%. При этом к 2014 г. доля домохозяйств с (со)владельцами предприятий сократилась на порядок (до 2–3%): наиболее существенные потери в рядах бизнес-собственников пришлось на 1998 г., и уже в 1999 г. их было в

два раза меньше, чем в 1994 г. С 2001 г. передел собственности уцелевших после неспокойных 1990-х и кризиса 1998 г. продолжился: доля домохозяйств с бизнес-собственниками медленно, но неуклонно падала, а сам актив сосредотачивался лишь у небольшого количества бизнесменов. Концентрация производительной собственности в постсоветские годы фиксируется и в других исследованиях: так, опросы экономически активного населения в 1994, 2002, 2006 гг. показывают постепенное увеличение доли владеющих фирмой/предприятием среди предпринимателей (с 42,6 до 82,6%), управляющих и чиновников высшего звена (с 12,0 до 38,1%) при снижении доли владельцев такого актива среди профессионалов с высшим образованием (с 6,9 до 2,1%), квалифицированных рабочих (с 3,9 до 1,6%), не- и полуквалифицированных рабочих (с 10,1 до 1,4%) [Шкартан 2009, с. 164]. Дом на садовом участке оставался самым стабильным по масштабу распространенности активом: доля среди домохозяйств владельцев дач и других домов колебалась в диапазоне 20–23%.

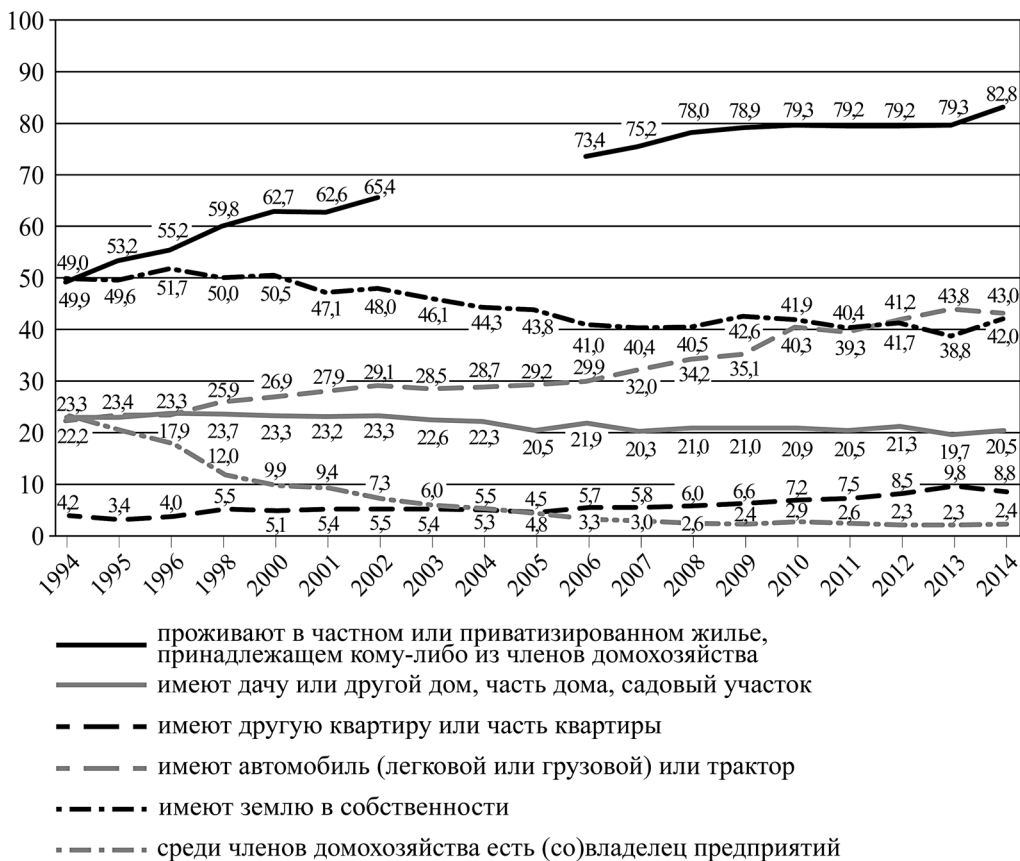


Рисунок 4. Численность российских домохозяйств, обладающих отдельными составляющими нефинансового богатства, %

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ.

Наименее распространенным активом в 1994 г. была дополнительная недвижимость в виде отдельной квартиры, комнат(ы) в коммунальной квартире: активом владели 4%, а к 2014 г. их доля увеличилась в два раза. Это изменение случилось не одновременно: в 1994–2005 гг. доля владельцев составляла 4–5%, в 2006–2010 гг. – 6–7%; в последующие четыре года держалась на уровне 8–9%.

На фоне вневременных процессов наследования или перераспределения активов между домохозяйствами внутри расширенных семей, колебаний экономического цикла и макроэкономических потрясений, действий государства по изменению институциональных правил по формированию нефинансового богатства населения усилия самого населения дали в конце анализируемого периода интересный результат: по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в 2014 г. перечень нефинансовых активов российских домохозяйств по убыванию доли собственников выглядел следующим образом: основное жилье (82,8%), автомобиль (43%), земля (42%), дача/садовый дом (20,5%), дополнительное к основному жилью (8,8%), некорпоративная собственность (2,4%).

Самое заметное изменение в структуре домохозяйств по нефинансовому богатству состояло в сокращении почти в три раза доли россиян, не владеющих ни одним из рассматриваемых активов – с 19,2% в 1994 г. до 7,5% в 2014 г. Относительно постоянной по численности представляется группа домохозяйств, обладающих двумя активами: она оставалась медианной в течение 20 лет. На ее фоне

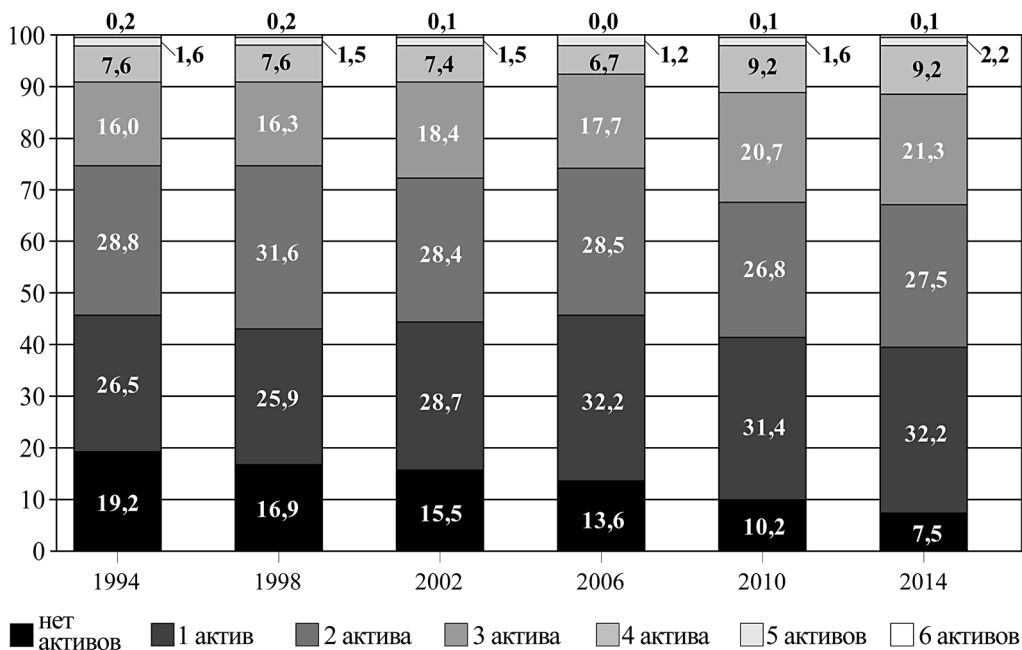


Рисунок 5. Численность российских домохозяйств, обладающих разным количеством составляющих нефинансового богатства, %

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ.

росли и доли тех семей, в чьем распоряжении находился только один актив (с почти четверти (26,5%) до трети (32,2%) домохозяйств), и имеющих три-четыре актива (совокупная доля этих слоев выросла в течение 20 лет с 23,6 до 30,5%). Слой обладателей самых диверсифицированных наборов нефинансового богатства едва различим: доля семей с шестью рассматриваемыми активами колебалась в течение всего периода в диапазоне 0,1–0,2%; доля тех, кто имел в имущественном портфолио пять активов, составляла в 1994–2010 гг. примерно 1,6%, и только в 2014 г. было зафиксировано увеличение до 2,2% (рисунки 5).

Заключение

На материалах РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994–2014 гг. выявлено, что на конец указанного периода показатели владения активами преимущественно потребительского (основное жилье, автомобили, дачи) и/или инвестиционно-страхового назначения (дополнительное к основному жилью) стали итогом возрастающих трендов, а данные по обладанию активами преимущественно производственного назначения (земля, доля капитала в бизнесе) – понижающихся трендов¹⁰. Чтобы регулировать циркуляцию подобных активов, государству надо формировать более сильные и гибкие институты, нацеленные на развитие нефинансовой собственности домохозяйств в России. Для этого важно, чтобы население было в состоянии как собственник составлять хоть какой-то противовес корпоративному бизнесу, подпитывать и развивать малый и средний бизнес как альтернативный крупному бизнесу дисперсный источник текущих доходов и накоплений населения, поскольку нефинансовое богатство населения – это существенный источник пополнения государственных доходов в результате налогообложения, а еще собственный источник развития человеческого потенциала самого населения и подушка безопасности в случае экономических шоков.

За двадцать лет сменилась значимость механизмов формирования имущественного состояния российских домохозяйств. Приватизация как способ обретения собственности не утратила свою актуальность полностью: например, проживающие в ветхом и аварийном жилье ждут своего часа, чтобы стать собственниками после расселения из такого жилья. После многократных ежегодных сдвигов сроков окончания бесплатной приватизации в феврале 2017 г. принят закон, делающий бесплатную приватизацию жилья бессрочной. Законодательство о «дачной амнистии», принятое в 2006 г., предполагает облегченные процедуры регистрации жилья на садовых участках, а также самих участков. Но ограничением для регистрации прав собственности на эти активы становится отсутствие межевания участков и их кадастровой регистрации. И если определенность прав собственности на транспортные средства и основное и дополнительное жилье позволяет функционировать вторичному рынку данных активов, то рыночная циркуляция дачно-земельных активов сдерживается, в том числе непрозрачностью прав собственности и незавершенностью их оформления.

¹⁰ То есть даже на данных обследования населения, которые, как правило, не охватывают сверхдоходные и состоятельные домохозяйства, земля и капитал в постсоветской России подтверждают свою природу высококонкурентных активов, стремящихся к концентрации.

Динамика владения жилищными и транспортными активами отражает готовность населения воспользоваться заемными средствами для формирования своего имущества. Интерес банков к финансовой поддержке таких покупок понять можно: автокредиты и ипотечные кредиты обеспечены имуществом и в этом плане менее рискованы. Однако пределы кредитной подпитки роста нефинансового богатства продемонстрированы и мировым финансовым кризисом (2008–2009 гг.), и кредитной задолженностью российских домохозяйств. Другим ограничением роста нефинансового богатства российских домохозяйств может стать изменение налогообложения имущества: с 2015 г. в ряде «экспериментальных» регионов, а с 2017 г. – в 72 регионах РФ налог на имущество рассчитывается по кадастровой, а не инвентаризационной стоимости объектов, что приводит к увеличению суммы.

С ростом численности собственников домохозяйств, увеличением количества активов и разнообразия в портфелях активов домохозяйств россиян с середины 2010-х гг. наблюдается активизация фискальной политики государства, которая сама по себе является значимым институциональным условием формирования нефинансового богатства. Расширение перечня налогооблагаемых активов, сложные схемы исчисления налогов, формат обязательств, связанных с приобретением и обладанием нефинансовой собственностью, требуют от владельцев финансовой грамотности, которая позволила бы распознать момент, когда собственность из актива превращается в пассив, и с выгодой конвертировать одни активы в другие и прочее.

Литература

- Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) (2004) // Счетная Палата Российской Федерации // <http://nationalization.ru/biblioteka/Analiz-processov-privatizacii-gosudarstvennoj-sobstvennosti-v-rossijskoj-federacii-za-period-1993-2003-gody.pdf>
- Андрущак Г.В., Бурдяк А.Я., Гимпельсон В.Е. и др. (2011) Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг. М.: ВШЭ.
- Барсукова С.Ю. (2000) Трансакционные издержки вхождения на рынок предприятий малого бизнеса // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 108–119.
- Барсукова С.Ю., Звягинцев В.И. (2015) Земельная реформа в России в 1990–2000-е годы, или как в ходе ведомственных реорганизаций «реформировали» земельную реформу // Журнал институциональных исследований. Т. 7. № 2. С. 84–98.
- Бессонова О.Э., Крапчан С.Г. (1994) Участие населения в приватизации жилья // Социологические исследования. № 8–9. С. 27–40.
- Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Михеева А.Р. (1992) Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск: ИЭОПП РАН.
- Бородкин Ф.М. (ред.) (1990) Благосостояние городского населения Сибири: Проблемы дифференциации (опыт социологического изучения). Новосибирск: Наука.
- Во 2 квартале 2016 года было выдано на 33% автокредитов больше, чем в 1 квартале текущего года (2016) // Национальное бюро кредитных историй // <http://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=20513>
- Вовк Е. (2005) Жилье и ипотека // База данных Фонда «Общественное мнение» // http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/hosehom/hom_bui/dd053026
- Годовой отчет-2014 (2014) // Пенсионный фонд РФ // http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/godovoi_otchet_2014_1.pdf

- Годовой отчет-2015 (2015) // Пенсионный фонд РФ // http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Pension_fund_Annual_report_2015_1.pdf.pdf
- Гонтмахер Е.Ш. (2008) Национальные проекты: первые итоги реализации // SPERO. № 8. С. 119–134.
- Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2005 году (2006) // Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости // https://rosreestr.ru/upload/documenty/doc_gosdoc2005.pdf
- Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения за 2013 год (2014) // ФГБНУ «Росинформаргоптех» // <https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvenny-natsionalnyu-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossiyskoy-federatsii/>
- Долгопятова Т.Г. (2001) Модели корпоративного контроля на российских предприятиях (опыт эмпирического анализа) // Мир России. Т. 10. № 3. С. 121–137.
- Долгопятова Т.Г. (2010) Концентрация собственности в российской промышленности: эволюционные изменения на микроуровне // Журнал новой экономической ассоциации. № 8. С. 80–99.
- Ивантер А. (2004) Еще не наелись // Эксперт. № 7. С. 46–53.
- Корчагина И., Овчарова Л., Турунцев Е. (1998) Система индикаторов уровня бедности в переходный период в России // Российская программа экономических исследований ЕЕРС. Научный доклад № 98/4 // <http://eercnetwork.com/paperinfo/15>
- Крыштановская О.В. (2005) Анатомия российской элиты. М.: Захаров.
- Лисов В.А., Шапошников А.Н. (1988) Методика и результаты построения типологии семей по уровню материального благосостояния (на примере сельского населения) // Известия СО АН СССР: серия «Экономика и прикладная социология». Вып. 2. № 8. С. 56–66.
- Малева Т. (ред.) (2003) Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф.
- Нурев Р.М., Кондратов Д.И. (2010) Рынок легковых автомобилей: вчера, сегодня, завтра // Журнал институциональных исследований. Т. 2. № 3. С. 86–128.
- Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. (2009) Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: ВШЭ.
- Программа «Жилье для российской семьи» (2014) // http://xn----7sbaks7aamikegn.xn--plai/about/general_condition/
- Производство автомобилей в РФ в 2008–2015 годах (2015) // Аналитическое агентство «Автостат» // <https://www.autostat.ru/infographics/23896/>
- Пузанов А., Косарева Н., Туманов А., Полиди Т. (2011) Где нам живется // Эксперт. № 14. С. 28–34.
- Радыгин А.Д. (1998) Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. Т. 7. № 3. С. 3–32.
- Российский автопром сохранит государственную поддержку (2016) // Министерство промышленности и торговли РФ // http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!rossiyskiy_avtoprom_sohranit_gosudarstvennyu_podderzhku
- Российский статистический ежегодник-2003 (2003) Стат.сб. // Федеральная служба государственной статистики РФ. М.: Госкомстат России.
- Российский статистический ежегодник-2006 (2006) Стат.сб. // Федеральная служба государственной статистики РФ. М.: Госкомстат России.
- Российский статистический ежегодник-2011 (2011) Стат.сб. // Федеральная служба государственной статистики РФ. М.: Госкомстат России.
- Российский статистический ежегодник-2015 (2015) Стат.сб. // Федеральная служба государственной статистики РФ. М.: Госкомстат России.
- Рывкина Р. В. (1998) Экономическая социология переходной России. Люди и реформы. М.: Дело.
- Рынок легковых автомобилей. Бюллетень социально-экономического кризиса в России (2016) // Аналитический центр при Правительстве РФ // <http://ac.gov.ru/files/publication/a/9154.pdf>

- Сведения о рынке жилищного (ипотечного жилищного) кредитования в России. Статистический сборник № 1 (2005–2013 гг.) (2014) // Центральный Банк Российской Федерации, Департамент статистики // <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=ipoteka>
- Сведения о рынке жилищного (ипотечного жилищного) кредитования в России. Статистический сборник № 3 (2011–2015 гг.) (2016) // Центральный Банк Российской Федерации // <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=ipoteka>
- Строительство в России-2016 (2016) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138716432453
- Тамбовцев В.Л. (ред.) (2009) Права собственности, приватизация и национализация в России. М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное обозрение.
- Тихонова Н.Е. (2014) Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф.
- Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П. (2004) Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. № 6. С. 120–130.
- Фадеева О.П. (2015) Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Шкаратан О.И. (2009) Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Шомина Е.С. (2010) Квартиросъемщики – наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья. М.: ВШЭ.
- Bricker J., Dettling L., Henriques A., Hsu J.W., Moore K.B., Sabelhaus J., Thompson J., Windle R.A. (2014) Changes in U.S. Family Finances from 2010 to 2013: Evidence from the Survey of Consumer Finances // Federal Reserve Bulletin, vol. 100, no 4, pp. 1–41 // <http://www.federalreserve.gov/pubs/bulletin/2014/pdf/scf14.pdf>
- Bucks B.K., Kennickell A.B., Mach T.L., Moore K.B. (2009) Changes in U.S. Family Finances from 2004 to 2007: Evidence from the Survey of Consumer Finances // Federal Reserve Bulletin, vol. 95, no 1, pp. A1–A79.
- Campbella L.A., Kaufman R.L. (2006) Racial Differences in Household Wealth: Beyond Black and White // Research in Social Stratification and Mobility, vol. 24, no 2, pp. 131–152.
- Davies J.B., Shorrocks A.E. (2000) The Distribution of Wealth // Handbook of Income Distribution: Volume 1, Amsterdam: Elsevier, pp. 605–675.
- Global Wealth Databook 2016 (2016) // Credit Suisse AG // <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=AD6F2B43-B17B-345E-E20A1A254A3E24A5>
- Keister L., Moller S. (2000) Wealth Inequality in the United States // Annual Review of Sociology, vol. 26, pp. 63–81.
- OECD Guidelines for Micro Statistics on Household Wealth (2013) // OECD. iLibrary // <http://dx.doi.org/10.1787/9789264194878-en>
- Paiella M. (2007) Does Wealth Affect Consumption? Evidence for Italy // Journal of Macroeconomics, vol. 29, no 1, pp. 189–205.
- Stephens M., Ford J., Spencer P., Wallace A., Wilcox S., Williams P. (2008) Housing Market Recessions and Sustainable Home-ownership // Joseph Rowntree Foundation // www.jrf.org.uk/publications/housing-market-recessions-and-sustainable-home-ownership
- Wealth in Great Britain. Wave 4, 2012 to 2014 (2015). Office for National Statistics // UK Government Web Archive // <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160105160709/http://www.ons.gov.uk/ons/rel/was/wealth-in-great-britain-wave-4/2012-2014/index.html>
- Wolff E.N. (1990) Methodological Issues in the Estimation of the Size Distribution of Household Wealth // Journal of Econometrics, vol. 43, no 1–2, pp. 179–195.
- World Development Report 1996: From Plan to Market (1996) // World Bank Group // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5979>

The Institutional and Economic Context of the Formation of Non-financial Wealth in Russian Households: from Privatization to Acquisition

T. BOGOMOLOVA*, T. CHERKASHINA**

***Tatyana Bogomolova** – PhD in Sociology, Head, Department of Social Problems, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Associate Professor, Department “General Sociology”, Novosibirsk State University. Address: 17, Avenue of Academician Lavrent’ev, Novosibirsk, 630090, Russian Federation. E-mail: bogtan@rambler.ru

****Tatyana Cherkashina** – PhD in Sociology, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Head, Department “General Sociology”, Novosibirsk State University. Address: 17, Avenue of Academician Lavrent’ev, Novosibirsk, 630090, Russian Federation. E-mail: touch@nsu.ru

Citation: Bogomolova T., Cherkashina T. (2018) The Institutional and Economic Context of the Formation of Non-financial Wealth in Russian Households: from Privatization to Acquisition. *Mir Rossii*, vol. 27, no 2, pp. 62–89 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-62-89

Abstract

This article focuses on changes in the non-financial wealth of Russian households and discusses this change in the context of the dynamics of related institutional conditions. Household non-financial wealth is understood as property assets owned by household members, such as residential and non-residential real estate, industrial (unincorporated) assets, land, vehicles. The study relies on official state statistics regarding households, and state and departmental statistics on the privatization of enterprises, housing, agricultural land, housing construction, and the production and sale of cars to describe the institutional background for the formation of non-financial wealth 1991–2014. The authors also utilize micro-level data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey of HSE to calculate the number of households owing particular non-financial assets, and the concentration of assets between households.

The study reveals that by the end of the 1990s the privatization of national wealth had exhausted itself as a mechanism of household mass involvement in the ‘ownership’ of non-financial wealth. Increasing economic prosperity at the beginning of 2000s paved the way for new institutional mechanisms, such as the development of consumer (and then mortgage) lending, the launch of government programs for the development of housing construction, the automotive industry. These opened up relatively broad opportunities (and risks) to Russians to increase non-financial wealth through the acquisition of property.

During 1991–2014, the proportion of households owning housing assets and vehicles increased steadily, however, the proportion of land owners and owners of production assets fluctuated. In the same period the share of households not owning any non-financial assets decreased significantly. Yet there is an apparent tendency towards polarization: the fractions of households that witnessed the highest growth were the ones with only a single asset in ownership and the ones owning more than three assets.

Key words: household wealth, non-financial assets, stratification, social change, institutional conditions, privatization

References

- Analiz protsessov privatizatsii gosudarstvennoj sobstvennosti v Rossijskoj Federatsii za period 1993–2003 gody (ekspertno-analiticheskoe meropriyatie) (2004) [The Analysis of State Property Privatization Processes in the Russian Federation During 1993–2003]. *Accounts Chamber of the Russian Federation*. Available at: <http://nationalization.ru/biblioteka/Analiz-processov-privatizacii-gosudarstvennoj-sobstvennosti-v-rossijskoj-federacii-za-period-1993-2003-gody.pdf>, accessed 28 February 2018.
- Andrushhak G.V., Burdyak A.Ya., Gimpel'son V.E. et al. (2011) *Uroven' i obraz zhizni naseleniya Rossii v 1989–2009 gg.* [The Living Standards and Lifestyles of Russian Population During 1989–2009], Moscow: HSE.
- Barsukova S. (2000) Transaktsionnye izderzhki vkhozheniya na rynek predpriyatij malogo biznesa [Transaction Costs of Market Entry for Small Enterprises]. *Problemy prognozirovaniya*, no 1, pp. 108–119.
- Barsukova S., Zvyagintsev V. (2015) Zemel'naya reforma v Rossii v 1990–2000-e gody, ili kak v khode vedomstvennykh reorganizatsij «reformirovali» zemel'nyu reformu [Land Reform in Russia in 1990–2000s, or How the Land Reform Was 'Reformed' During the Departmental Reorganization]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovanij*, vol. 7, no 2, pp. 84–98.
- Bessonova O.E., Krapchan S.G. (1994) Uchastie naseleniya v privatizatsii zhil'ya [The Participation of People in Privatization of Housing]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8–9, pp. 27–40.
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S., Miheeva A.R. (1992) *Sotsial'naya struktura: neravenstvo v material'nom blagosostoyanii* [Social Structure: Inequality in Material Well-being], Novosibirsk: IEOPP RAN.
- Borodkin F.M. (ed.) (1990) *Blagosostoyanie gorodskogo naseleniya Sibiri: Problemy differentsiatsii (opyt sotsiologicheskogo izucheniya)* [The Welfare of Urban Population in Siberia: Problems of Differentiation (a Sociological Study)], Novosibirsk: Nauka.
- Bricker J., Dettling L., Henriques A., Hsu J.W., Moore K.B., Sabelhaus J., Thompson J., Windle R.A. (2014) Changes in U.S. Family Finances from 2010 to 2013: Evidence from the Survey of Consumer Finances. *Federal Reserve Bulletin*, vol. 100, no 4, pp. 1–41. Available at: <http://www.federalreserve.gov/pubs/bulletin/2014/pdf/scf14.pdf>, accessed 28 February 2018.
- Bucks B.K., Kennickell A.B., Mach T.L., Moore K.B. (2009) Changes in U.S. Family Finances from 2004 to 2007: Evidence from the Survey of Consumer Finances. *Federal Reserve Bulletin*, vol. 95, no 1, pp. A1–A79.
- Campbella L.A., Kaufman R.L. (2006) Racial Differences in Household Wealth: Beyond Black and White. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 24, no 2, pp. 131–152.
- Davies J.B., Shorrocks A.E. (2000) The Distribution of Wealth. *Handbook of Income Distribution: Volume 1*. Amsterdam: Elsevier, pp. 605–675.
- Doklad o sostoyanii i ispol'zovanii zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya za 2013 god. (2014) [The Report on the Status and Use of Agricultural Land in 2013] FGBNU «Rosinformagrotekh». Available at: <https://rosreestr.ru/site/activity/sostoyanie-zemel-rossii/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-v-rossijskoj-federatsii/>, accessed 28 February 2018.
- Dolgopyatova T. (2010) Kontsentratsiya sobstvennosti v rossijskoj promyshlennosti: evolyutsionnye izmeneniya na mikrourovne [Ownership Concentration in Russian Industry: Evolutionary Change at the Micro Level]. *Zhurnal novej ekonomicheskoy assotsiatsii*, no 8, pp. 80–99.
- Dolgopyatova T.G. (2001) Modeli korporativnogo kontrolya na rossijskikh predpriyatiyakh (opyt empiricheskogo analiza) [Models of Corporate Control in Russian Companies (Empirical Evidence)]. *Mir Rossii*, vol. 10, no 3, pp. 121–137.

- Fadeeva O.P. (2015) *Sel'skie soobshchestva i khozyajstvennye układy: ot vyzhivaniya k razvitiyu* [Rural Communities and Economic Structures: from Survival to Development], Novosibirsk: IEIE SB RAS.
- Global Wealth Databook 2016 (2016). *Credit Suisse AG*. Available at: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=AD6F2B43-B17B-345E-E20A1A254A3E24A5>, accessed 28 February 2018.
- Godovoj otchet-2014 (2014) [Annual Report-2014]. *Pensionnyj fond RF* [Pension Fund of the Russian Federation]. Available at: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/godovoi_otchet_2014_1.pdf, accessed 28 February 2018.
- Godovoj otchet-2015 (2015) [Annual Report-2015]. *Pensionnyj fond RF* [Pension Fund of the Russian Federation]. Available at http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Pension_fund_Annual_report_2015_1.pdf, accessed 28 February 2018.
- Gontmaher E. Sh. (2008) Natsional'nye proekty: pervye itogi realizatsii [National Projects: the First Outcomes]. *SPERO*, no 8, pp. 119–134.
- Gosudarstvennyj (natsional'nyj) doklad o sostoyanii i ispol'zovanii zemel' v Rossijskoj Federatsii v 2005 godu. (2006) [The State (National) Report on the Status and Use of Land in Russian Federation in 2005]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya i torgovli Rossijskoj Federacii, Federal'noe agentstvo kadastra ob"ektov nedvizhimosti* [The Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation, The Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography]. Available at: https://rosreestr.ru/upload/documenty/doc_gosdoc2005.pdf, accessed 28 February 2018.
- Ivanter A. (2004) Eshche ne naelis' [Still Hungry]. *Expert*, no 7, pp. 46–53.
- Keister L., Moller S. (2000) Wealth Inequality in the United States. *Annual Review of Sociology*, vol. 26, pp. 63–81.
- Korchagina I., Ovcharova L., Turuntsev E. (1998) Sistema indikatorov urovnya bednosti v perekhodnyj period v Rossii [Indicators of Poverty in Transitional Russia]. *Rossijskaya programma ekonomicheskikh issledovanij EERC. Nauchnyj doklad № 98/4* [Education and Research Consortium. Russian Economic Research Program. Working Paper No 98/04]. Available at: <http://eernetwork.com/paperinfo/15>, accessed 28 February 2018.
- Kryshantovskaya O.V. (2005) *Anatomiya rossijskoj elity* [Anatomy of the Russian Elite], Moscow: Zakharov.
- Lisov V.A., Shaposhnikov A.N. (1988) Metodika i rezul'taty postroeniya tipologii semej po urovnyu material'nogo blagosostoyaniya (na primere sel'skogo naseleniya) [The Methodology and Results of a Typology of Families According to the Level of Material Well-being (The Case of Rural Population)]. *Izvestiya SO AN SSSR: seriya «Ekonomika i prikladnaya sociologiya»*, vol. 2, no 8, pp. 56–66.
- Maleva T. (ed.) (2003) *Srednie klassy v Rossii: ekonomicheskie i sotsial'nye strategii* [The Middle Classes in Russia: Economic and Social Strategies], Moscow: Gendalf.
- Nureev R.M., Kondratov D.I. (2010) Rynok legkovykh avtomobilej: vchera, segodnya, zavtra [Car Market: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovanij*, vol. 2, no 3, pp. 86–128.
- OECD Guidelines for Micro Statistics on Household Wealth (2013). *OECD. iLibrary*. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264194878-en>, accessed 28 February 2018.
- Paiella M. (2007) Does Wealth Affect Consumption? Evidence for Italy. *Journal of Macroeconomics*, vol. 29, no 1, pp. 189–205.
- Pappe Y., Galukhina Y. (2009) *Rossijskij krupnyj biznes: pervye 15 let. Ekonomicheskie khroniki 1993–2008 gg.* [Russian Big Business: the First 15 years. Economic Chronicles of 1993–2008], Moscow: HSE.
- Programma «Zhil'e dlya rossijskoj sem'i»* [The 'Housing for Russian Family' Program], Available at: http://xn----7sbaks7aamickgn.xn--plai/about/general_condition/, accessed 28 February 2018.
- Proizvodstvo avtomobilej v RF v 2008–2015 godakh. (2015) [Car Production in Russia in 2008–2015]. *Analiticheskoe agentstvo «Avtostat»* [Analytical Agency "Autostat"]. Available at: <https://www.avtostat.ru/infographics/23896/>, accessed 28 February 2018.
- Puzanov A., Kosareva N., Tumanov A., Polidi T. (2011) Gde nam zhivetsya [Where We Live]. *Expert*, no 14, pp. 28–34.

- Radygin A. D. (1998) Rossijskaya privatizatsiya: natsional'naya tragediya ili institutsional'naya baza postsovetsskikh reform? [Russian Privatization: a National Tragedy or the Institutional Framework for post-Soviet Reforms?]. *Mir Rossii*, vol. 7, no 3, pp. 3–32.
- Rossijskij avtoprom sokhranit gosudarstvennyu podderzhku (2016) [Russian Car Industry Will Maintain the State Support]. *Ministerstvo promyshlennosti i trgovli RF* [The Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation]. Available at: http://minpromorg.gov.ru/press-centre/news/#!/rossiyskiy_avtoprom_sokhranit_gosudarstvennyu_podderzhku, accessed 28 February 2018.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik-2003 (2003) [Russian Statistical Yearbook]. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation*, Moscow: Goskomstat Rossii.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik-2006 (2006) [Russian Statistical Yearbook]. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation*, Moscow: Goskomstat Rossii.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik-2011 (2011) [Russian Statistical Yearbook]. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation*, Moscow: Goskomstat Rossii.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik-2015 (2015) [Russian Statistical Yearbook]. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation*, Moscow: Goskomstat Rossii.
- Rynek legkovykh avtomobilej. Byulleten' sotsial'no-ekonomicheskogo krizisa v Rossii (2016) [The Passenger Car Market. The Bulletin of Socio-economic Crisis in Russia]. *Analiticheskij tsentr pri Pravitel'stve RF* [Analytical Center for the Government of the Russian Federation]. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/9154.pdf>, accessed 28 February 2018.
- Ryvkina R.V. (1998) *Ekonomicheskaya sotsiologiya perekhodnoj Rossii. Lyudi i reformy* [Economic Sociology of Transition Russia. People and Reforms], Moscow: Delo.
- Shkaratan O.I. (2009) *SoSial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii* [Socio-economic Inequality and Its Reproduction in Modern Russia], Moscow: OLMA Media Group.
- Shomina E.S. (2010) *Kvartirov'emshchiki – nashe «zhilishchnoe men'shinstvo»: rossijskij i zarubezhnyj opyt razvitiya arendnogo zhil'ya* [Tenants as a 'Housing Minority': the Russian and Foreign Experience of Rental Housing Development], Moscow: HSE.
- Stephens M., Ford J., Spencer P., Wallace A., Wilcox S., Williams P. (2008) Housing Market Recessions and Sustainable Home-ownership. *Joseph Rowntree Foundation*. Available at: <http://www.jrf.org.uk/publications/housing-market-recessions-and-sustainable-home-ownership>, accessed 28 February 2018.
- Stroitel'stvo v Rossii-2016 (2016) [Construction in Russia-2016]. *Federal State Statistics Service of the Russian Federation*. Available at: // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138716432453, accessed 28 February 2018.
- Svedeniya o rynke zhilishchnogo (ipotechnogo zhilishchnogo) kreditovaniya v Rossii. Statisticheskij sbornik № 1 (2005–2013 gg.) (2014) [Information Regarding the Market for Housing Mortgage in Russia. A Statistical Collection No 1 (2005–2013)]. *The Central Bank of the Russian Federation, Department of Statistics*. Available at: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=ipoteka>, accessed 28 February 2018.
- Svedeniya o rynke zhilishchnogo (ipotechnogo zhilishchnogo) kreditovaniya v Rossii. Statisticheskij sbornik № 3 (2011–2015 gg.) (2016) [Information Regarding the Market for Housing Mortgage in Russia. A Statistical Collection No 3 (2011–2015)]. *The Central Bank of the Russian Federation, Department of Statistics*. Available at: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=ipoteka>, accessed 28 February 2018.
- Tambovtsev V.L. (ed.) (2009) *Prava sobstvennosti, privatizatsiya i natsionalizatsiya v Rossii* [Property Rights, Privatization and Nationalization in Russia], Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», Novoe literaturnoe obozrenie.
- Tikhonova N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [The Social Structure of Russia: Theory and Reality], Moscow: Novyj Khronograf.
- Tikhonova N.E., Davydova N.M., Popova I.P. (2004) Indeks urovnya zhizni i model' stratifikatsii rossijskogo obshchestva [The Index of Standard of Living and the Model of Stratification of the Russian Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 120–130.
- Vo 2 kvartale 2016 goda bylo vydano na 33% avtokreditov bol'she, chem v 1 kvartale tekushchego goda (2016) [The 2nd Quarter of 2016 Sees 33% More Issued Loans in Car Sales, More Than in the 1st Quarter]. *Natsional'noe*

- byuro kreditnykh istorij* [National Bureau of Credit Histories]. Available at: <http://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=20513>, accessed 28 February 2018.
- Vovk E. (2005) Zhil'e i ipoteka [Housing and Mortgage]. *Baza dannykh Fonda «Obshchestvennoe mnenie»* [The Database the «Public Opinion» Fund]. Available at: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/hosehom/hom_bui/dd053026, accessed 28 February 2018.
- Wealth in Great Britain. Wave 4, 2012 to 2014 (2015). Office for National Statistics. *UK Government Web Archive*. Available at: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160105160709/http://www.ons.gov.uk/ons/rel/was/wealth-in-great-britain-wave-4/2012-2014/index.html>, accessed 28 February 2018.
- Wolff E.N. (1990) Methodological Issues in the Estimation of the Size Distribution of Household Wealth. *Journal of Econometrics*, vol. 43, no 1–2, pp. 179–195.
- World Development Report 1996: From Plan to Market (1996). *World Bank Group*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5979>, accessed 28 February 2018.